

Янь Цин до смерти не хотел выходить из повозки. На нем было женское платье – если он покажется в таком виде, позора не оберешься.

Чу Сюньчжоу, впрочем, не стал его неволить. В итоге они даже не сменили экипаж: так и покатали на глазах у всех в повозке героини обратно в поместье регента.

— На Цин-Цине женское платье... Ты надел его специально для меня?

Янь Цин едва не плакал, комкая ткань юбки. Формально так оно и было: надел специально для него, чтобы сбежать и не попасться.

Чу Сюньчжоу тяжелым взглядом медленно прошелся по его векам, мелко дрожащим от волнения, по прямой переносице и, наконец, остановился на пухлых губах, на которых еще поблескивала помада.

Под этим взглядом Янь Цину становилось все тревожнее. Он заговорил, путаясь в словах:

— Ты... ты обещал! Сказал, что до свадьбы меня не тронешь... А до нее еще два дня...

Чу Сюньчжоу снова усмехнулся, и в его глазах читалась непоколебимая решимость:

— Значит, начнем на два дня раньше. Иначе наряд Цин-Цина пропадет зря.

Глаза Янь Цина округлились от ужаса. Сообразив, что к чему, он в панике принялся срывать с себя верхнее платье. Сбросив его и отшвырнув подальше, он для верности еще и пнул его ногой.

Затем он преданно посмотрел на Чу Сюньчжоу:

— Всё, его больше нет...

Чу Сюньчжоу не выдержал и рассмеялся, но взгляд его лишь потемнел еще сильнее. Хриплым голосом он прошептал:

— Цин-Цин раздевается прямо при мне... Это приглашение?

Янь Цин и подумать не мог, что даже это можно свести к похабщине. Вцепившись мертвой хваткой в свой собственный халат, он решил плюнуть на всё и пойти ва-банк:

— Какое еще приглашение, к черту! А ну, пошел вон отсюда! Если только попробуешь меня сегодня коснуться – я тебе этого не прощу!

— Мне даже любопытно, как именно ты мне «этого не простишь». Может, Цин-Цин сначала продемонстрирует?

Янь Цин перепробовал всё: и ласку, и грубость, язык уже едва ворочался, но толку не было никакого.

Когда повозка наконец остановилась у ворот поместья регента, он окончательно отчаялся. Осторожно подняв на него глаза, он тихо спросил:

— Мне страшно, больно будет... Ты... можешь полегче?

Вместо ответа Чу Сюньчжоу просто подхватил его на руки и вынес из экипажа.

— Раз Цин-Цин так просит, я, конечно, буду... очень легким.

Система, наблюдая за этим, не выдержала и съязвила: [Хозяин, вы так жалко играете эту роль невинной жертвы, что даже мне противно. Неужели у главного героя сердце из камня? Совсем нет совести?]

Янь Цин был сама обреченность: «Ты у меня спрашиваешь? Я-то откуда знаю?»

Система: [Хозяин, просто расслабьтесь. В конце концов, у вас есть предмет для блокировки боли. Вам даже может понравиться.]

Янь Цин с ужасом посмотрел на нее в облике длинноухого кролика и, заикаясь, выпалил:

— Ты тоже... животное бесчувственное!

Система: [Хи-хи, ну я же и правда маленький зайчик.]

Янь Цин на собственной шкуре прочувствовал смысл поговорки: «Минута побега – сладка, вечность расплаты – горька».

Не пустись он в бега, мог бы спокойно прожить эти три дня. А из-за этой выходки экзекуция началась на двое суток раньше.

Ни свадебных свечей, ни алых одежд, ни поклона Небу и Земле, ни чаши вина.

В ту же ночь после поимки Янь Цина «разделали» по полной программе.

В огромном, притихшем главном зале то и дело слышались едва уловимые всхлипы, сопровождаемые дрожащими мольбами о пощаде. Звуки не стихали до самого рассвета.

Когда все закончилось, совершенно обессиленного Янь Цина с расфокусированным взглядом отнесли в огромную купель, где хватило бы места двоим. Он был уже в полузабытии, но тело продолжало мелко дрожать.

При малейшем прикосновении дрожь усиливалась.

Несмотря на все принятые меры, слабое тело Янь Цина не выдержало: у него поднялся сильный жар. Он пролежал в беспмятстве день и ночь, прежде чем окончательно прийти в себя.

Когда он открыл глаза, за окном ярко светило солнце. Был уже не следующий, а третий день.

Чу Сюньчжоу был рядом, неустанно оберегая его покой.

Он оказался слишком горазд на выдумки, и теперь Янь Цин испытывал к нему почти физический страх. Тело непроизвольно дернулось, и он попытался откатиться к самому краю кровати.

Взгляд Чу Сюньчжоу потемнел еще больше.

— Цин-Цин, иди сюда.

Янь Цин не смел послушаться, но и приближаться не хотел. Он с головой накрылся одеялом, оставив снаружи только глаза.

Видя это, Чу Сюньчжоу смягчил тон:

— Цин-Цин, будь умницей. Тебе еще нездоровится, пусть императорский лекарь осмотрит тебя.

Янь Цин не шелохнулся, лишь плотнее закутался в одеяло:

— Не хочу.

Чу Сюньчжоу порывался схватить его и прижать к себе так, чтобы тому некуда было деться, но, глядя на этот комочек несчастья, почувствовал, как сердце его тает.

В конце концов, он глубоко вздохнул и снова явил кроткую улыбку:

— Цин-Цин, я был неправ. Прости меня. Послушайся, дай лекарю проверить твой пульс.

Янь Цин открыл рот, хотел что-то сказать, но горло так сильно распухло и болело, что не вырвалось ни звука. Едва наладившееся настроение окончательно испортилось. Обидевшись на весь свет, он свернулся под одеялом, как куколка шелкопряда, спрятав даже голову.

Боясь, что тот задохнется, Чу Сюньчжоу не стал больше потакать его капризам. Он обхватил этот «сверток» руками и притянул к себе, силой стянул одеяло, открывая покрасневшее лицо, и вытащил его руку, чтобы ожидавший лекарь мог прощупать пульс.

— Жар у молодого господина спал. Нужно попить отвары еще пару дней, и все придет в норму. Да, и не забывайте пить больше теплой воды.

Чу Сюньчжоу полоснул его холодным взглядом:

— Как ты его назвал?

Лекарь, утирая холодный пот со лба, тут же исправился:

— Принцесса-консорт... Со здоровьем принцессы-консорта уже нет никаких проблем...

Лицо Чу Сюньчжоу слегка прояснилось. Он махнул рукой:

— Иди, получи награду.

Лекарь выдохнул с таким облегчением, будто избежал казни:

— Благодарю, Ваше Высочество! Благодарю!

Когда лекарь ушел, в огромном зале снова остались только они двое. Чу Сюньчжоу приподнял Янь Цина, усаживая его поудобнее у себя на груди, и поднес чашу с теплой водой к его губам:

— Цин-Цин, лекарь сказал: тебе нужно пить больше воды.

Янь Цин изо всех сил зыркнул на него, но пересилил себя и стал пить маленькими глотками – горло было дороже обиды.

Чу Сюньчжоу налил еще. На этот раз Янь Цин попытался взять чашу сам, но руки затряслись

так, будто у него болезнь Паркинсона.

Разумеется, Чу Сюньчжоу не отдал чашу, лишь заметил:

— Если хочешь спать на другой кровати, так и скажи. Боковой павильон всегда пустует.

Янь Цин сдался. Осушив чашу, он снова попытался зарыться в одеяло.

Чу Сюньчжоу вздохнул с ноткой бессилия:

— Цин-Цин твердо решил со мной не разговаривать?

Янь Цин фыркнул и продолжил зарываться глубже.

Чу Сюньчжоу остановил его:

— Не боишься задохнуться?

— Уж лучше задохнуться, чем тебя видеть.

Глаза Чу Сюньчжоу поникли, в них промелькнула боль:

— Не прячься. Если так не хочешь меня видеть, я уйду.

<http://bllate.org/book/18143/1740377>